

Виктор Мельников

Чермет

Виктор Мельников

Чермет

«Издательские решения»

Мельников В.

Чермет / В. Мельников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931870-1

В авторском сборнике представлены рассказы разных лет, повесть «Клиент всегда прав, клиент всегда лох» — реалии современной жизни, те или иные поступки — всё освещено автором без всякой самоцензуры. Произведения книги резко отличаются от господствующей литературы и, можно сказать, являются прямым вызовом ей. Повесть «Клиент всегда прав, клиент всегда лох» — это сага непростого человеческого бытия, где нет порядка и равновесия. Как есть. И без ответа, что будет. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-931870-1

© Мельников В.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Огни притона	6
1	6
2	7
3	8
4	10
5	12
Чёрная смерть	14
Чермет	17
Правда скрывается чуть подальше ото лжи, рядом с кладбищем	21
Каучук	26
Другие женщины	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Чермет

Виктор Мельников

© Виктор Мельников, 2018

ISBN 978-5-4493-1870-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Огни притона

1

– Эдик!

Тишина.

Она оставила кастрюли на кухонном столе, вошла в комнату, повторила:

– Эдик, не слышишь, что ли? Мне тебя, Эдик, нужно вот на что: что мы ужинать с тобой будем? – Жанна, тридцатипятилетняя женщина, сохранившая фигуру двадцатилетней девушки, потому что бог не дал детей (а может быть, не в боге дело было), но уже уставшая от жизни – лицо и шея выдавали возраст, – обратилась к мужу. – Давай, иди за хлебом, не ленись, я картошки пожарю. – И достала из валявшейся на журнальном столике дамской сумочки кошелёк, выудила последнюю крупную купюру, мелочи не хватало на хлеб. – Сдачи, чтоб вернул, – уточнила она. – А то не дотянем – когда аванс дадут?

– Дней через десять, – Эдик потянулся в кресле, выключил телевизор, показывали новости, сладко зевнул (так зевают все, даже те, кто ложится спать, зная, что завтра утром его расстреляют) и добавил: – Кому на Руси жить хорошо – те уже в Лондоне, остальные пока в Кремле, – этими словами он хотел показать невидимому слушателю, не супруге – к подобным вещам она относилась безразлично, что есть другой мир, невидимый, но более важный, он – добро неоспоримое, и в нём существуют, не живут, его жена, друзья и знакомые.

Пространственные речи своего мужа Жанна часто не понимала – зачем усложнять себе жизнь, если и так не всё просто. Суббота всегда была для неё самым утомительным днём. Эдик обычно бездельничал, уткнувшись в экран телевизора, а ей приходилось стирать, делать уборку, готовить. Среди всех этих дел она стремилась найти часок-другой, чтобы передохнуть, потому что вечером мужу захочется её оседлать. Именно оседлать! Действительно, уставшая и не отдохнувшая, Жанна часто чувствовала себя в постели ездовой лошады – какое там удовольствие от секса, или любви. И то, и другое понятие уже через год после замужества слились для неё воедино. В супружеской постели, а это алтарь супружества, кто-то один должен приносить себя в жертву, но жертвой всегда становилась Жанна. Так ей казалось.

– Ворона ты разнокрылая – вот кто ты, Эдя. Попроси у начальника, чтобы раньше выдал, не дотянем, сам знаешь.

– Да как же я попрошу – всё равно откажут! Унижаться, что ли?! Хрен! – сказал Эдик и показал дулю жене, вообразив её, видимо, своим непосредственным начальником.

– Ты мне дули не крути, я не резиновая, чтобы тянуться, вытягивать семейный бюджет – мне обещают зарплату ещё позже, страшно представить. И, пожалуйста, без фокусов, без пива твоего. Всю сдачу вернёшь в кошелёк. Понял?

– Ой, не веришь ты мужу, не доверяешь, сколько уже – четырнадцать лет! Вот сама и иди.

– А ты картошки пожаришь, да? За всё это время никакой помощи от тебя. Как и зарплату. Дура, что живу с тобой! На меня до сих пор мужики заглядываются, – Жанна подошла к зеркалу, приподняла халат, чтобы самой оценить красоту своих ног. – Не ценишь ты жену свою, надоела я тебе, опостылела, наверное.

Эдик глубоко вздохнул, поднялся со своего насиженного места, подошёл к супруге, обнял за талию, небрежно поцеловал в щёку (у Жанны создавалось такое впечатление, когда он так

её обнимал, что Эдик хочет сообщить ей своими грубыми средствами немого животного что-то серьёзное), сказал:

– Сила часто в том и заключается, дорогая, что надо поддаться. Иду я, иду. Не ругайся, ага? – слово «дорогая» Эдик нарочито выделил. Дал понять, мол, с годами ничего не меняется, ценности остаются прежними. Ему не легче.

Он вышел из дому. Пляжные тапочки, засаленные шорты, порванная футболка – домашний вариант: магазин находился в двух шагах. Сел на лавочку возле подъезда, закурил. На улице царил непереносимый зной, хотя было почти восемь вечера; солнце шло на закат, жаром дышал асфальт, как больной с высокой температурой – субботний вечер плавно перетекал в воскресную ночь. Эдик старался вид иметь весёлый и довольный, но показывать его было некому. Кажется, я ей не нравлюсь, подумал он, а впрочем, господь её ведает! И загрустил.

2

Ребёнок, появившись на свет, сразу начинает сосать материнскую грудь. Как только она его отнимает от груди, ему предоставляется соска. Но если у ребёнка отнять соску – он начинает сосать палец. Вредная привычка, от которой малыша сложно отучить. Родители Сашки – отец и мать давно уже покоились на кладбище – в своё время мазали палец сыну горчицей, но ему, видимо, горький вкус нравился, и он так и не избавился от вредной привычки. Убедившись не в эффективности этого способа, отец однажды намазал ему указательный палец водкой – подействовало. Сашке исполнилось тогда уже пять лет.

Зато в семь он попробовал пиво, в восемь мог выпить стакан яблочного вина, а в девять лет пробовал водку. Выпивал чекушку.

К двенадцати годам Сашка стал алкоголиком. Во дворе дома соседи знали, что он пьёт, говорили родителям. Но отец и мать сами не выходили из похмелья. Отец бил Сашку, если ему сообщали об алкоголизме сына. Мать тоже била Сашку. А Сашка гонял во дворе ровесников, стрелял деньги на бухло, и все думали, что он долго не протянет.

Так оно и вышло. Забрали однажды Сашку менты. Ограбил он с друзьями парикмахерскую, потащили оттуда шампуни дорогие, фены. А попался на сбыте он один, не повезло. И вот, стало быть: либо тюрьма, либо армия. Участковый дал выбор, сжалился, видимо, над ним, понимал, что тюрьма Сашку не исправит – наоборот, искалечит; он жил вместе с Сашкой в одном доме. И Сашка выбрал армию.

Попал в Абхазию, воевал. А когда вернулся – стал другим человеком. Поступил в университет, на юридический факультет. После работал на заводе юристом. Удачно женился.

И мог бы подняться по служебной лестнице выше, получить квартиру от завода (была ещё такая возможность), но... изменила жена.

Месяц Сашка пил горькую. Когда напивался в хлам, превращался в ребёнка и сосал указательный палец. С работы его уволили. А тут ещё отец с матерью один за другим ушли на кладбище. И Сашка стал тем, кем стал. Проживал в квартире родителей. Варил самогон на продажу. Пил сам. Тем и жил.

Было почти восемь вечера. За весь день ни одного клиента за самогоном. Сашка винил во всём жару. В такие дни пьют пиво даже самые отъявленные алкаши, думал он.

А в доме – шаром покати, холодильник пустой. Но зато на окне настаивается трёхлитровая банка самогона на перегородках грецкого ореха и на апельсиновой кожуре. Такой самогон Сашка не гнал на продажу, изготавливал для себя. И хоть был он алкоголик конченный – предпочитал себе делать не простое пойло, а золотое (приготавливаемая им жидкость имела действительно золотистый цвет), очищенное, не воняющее сивухой.

Он достал лейку, нашёл грязную стеклянную бутылку, помыл её под краном, осторожно налил самогон из банки, закупорил пластиковой пробкой, завернул в газету и вышел из квартиры.

Когда спускался, ему вспомнился почему-то сон, приснившийся то ли этой ночью, то ли прошлой. Как будто точно также идёт он по лестнице вниз, запах жареной картошки витает по подъезду, и вдруг его кто-то толкает в спину, мол, быстрее иди. Обернувшись, он видит Еву, она почти голая. «Ты чего в таком виде?» – спрашивает Сашка. А она ему: «Чтобы всем показать, что такое красота женского тела». И выталкивает его за плечи с подъезда. А там, на улице, уже сидят Эдик, жена его, баба Галя, тётка Танька, Серёга и друг его, Витька, и кто-то ещё, кого он не знает. Все смотрят на них, удивляются, почему Ева голая, да и он не совсем одет. «Ах, мой милый Саша!», восклицает Ева. Сашка чувствует, что эта девушка – Эверест, её покорять надо, а он альпинист, но его руки слабеют, и бутылка падает на асфальт, разбивается. Запах самогона распространяется по всему двору, он оборачивается, чтобы сказать, что ты наделала, Ева, но её уже нет...

И тут он проснулся.

Возле подъезда сидел сосед, курил. Они выросли вместе в одном дворе.

Эдик поздоровался с Сашкой – тот был по пояс голый, в порванных джинсах, которые, не смотря на излишнюю худобу его, шли ему, жопа не свисала, как бывает у некоторых. В руках – газетный свёрток.

– Выгнал самогону, очистил. Давай выпьем. Только закусь не взял. Нет дома ничего.

Эдик почесал подбородок, задумался. А после сказал:

– Сиди, я в магазин.

Сашка стрельнул у Эдика сигарету, достал коробок – в нём была последняя спичка. Она зажглась. Обычно с последней спичкой ему не везло. Он закурил, выпустил кольцо, а затем тонкой струйкой дыма попал в него.

Получить два кольца и попасть в них ему пока не удавалось. И он сделал попытку. Получилось. Вышло красиво. Но никто этого не увидел. Каждый человек способен на многое. Но, к сожалению, не каждый знает, на что он способен. Сашка же был способен на всё плюнуть и попасть в самого себя. Пока что он ни разу не промахнулся, все собственные плевки летели в него.

3

С детства Ева любила садиться к отцу на колени. А в семнадцать лет делала это охотней. Со стороны, если кто-нибудь увидел, такая сцена поразила бы любого, знай он, что мужчина в полном расцвете сил – её отец.

Она любила отца. И говорила ему:

– Папа, я тебя люблю!

Он позволял ей это делать. Но не долго. Такая близость с дочерью смущала его. Была бы мать Евы жива – она тоже расценила поведение дочери, мягко выражаясь, неправильным поступком. Поэтому отец разрешал дочери сесть на колени, но через минуту отталкивал её, говорил, что она тяжела для него. Сказать, мол, так нельзя, он почему-то не мог. Он никогда не говорил дочери, что этого и вот этого делать нельзя.

Ева целовала отца обычно в щёку. И уходила гулять.

Её действия на тот момент, как не покажется странным, не были осознанными, всё происходило на подсознательном уровне – это в отношении отца. Что касается остального – у неё не было пока ни одного мужчины по-настоящему, один минет не в счёт. И она хотела переспать с кем угодно, чтобы лишиться этого самого бремени, девичьего гнёта, зовущегося девственностью.

По мнению Евы, её ровесницы стадию потери невинности прошли давно. Она тоже говорила подругам, что у неё был мужчина, и ни один. Но она знала, что врёт не только кому-то, но и самой себе. Врала ли ей подруги, она точно сказать не могла.

И вот, когда это случилось, Ева поняла, что стала женщиной, настоящей, не на словах. Фраза партнёра тогда не удивила, она пропустила мимо ушей этих два слова: «Большая девочка», приняв их за комплимент, типа, вот ты и стала взрослой; и ей понравилось, хотя, как утверждали многие подружки, в первый раз нет ничего приятного, без оргазма. Но у неё даже кровь не выступила. Она не знала, почему. И это её пугало (позже Ева поймёт, что отсутствие крови – её занятия в секции художественной гимнастики, многие девочки теряют девственность из-за особых нагрузок на тренировках, а отсутствие боли – особая анатомия). А оргазма не было – да, как случалось, бывало, в моменты мастурбации в ванной комнате перед зеркалом.

В пору своих любовных переживаний Ева боялась расспрашивать у отца про «женские проблемы». Верно, она могла сесть отцу на колени, но сказать, что в положенный срок не пришли месячные – не решалась.

Так она забеременела.

На третьем месяце втайне ото всех сделала аборт. И что-то в ней перевернулось. Она озлобилась. На всех мужчин сразу. В том числе на отца. Потому что у него в тот период появилась женщина, он её любил больше, и Еве казалось, что так грешно поступать родному отцу. Любовь надо разделять поровну. У него есть ещё она, Ева. Но настоящей злостью назвать это было нельзя.

Потом он переехал в дом к своей новой жене. Дочь оставил одну. Она выросла давно.

Ева решила жить так, как ей захочется, то есть оставаться одной. Нелюбовь к мужскому полу была у неё наигранна. Ей хотелось любви, но не хотелось, чтобы эта любовь превращалась в единственную на всю жизнь. Ею надо делиться, представлялось Еве. А не так, как делает отец.

Переспав с одним мужчиной, с другим, Ева вошла «во вкус». За это ей даже давали деньги, хотя вначале она их не брала. Но разобравшись, что помощи от отца ждать не приходится, Ева сначала брала столько, сколько давали. А после стала назначать цену сама.

Вскоре в доме заговорили, что она проститутка. И Ева изменила тактику: больше никогда не приводила мужчин к себе на квартиру. Спала только с теми, кто приглашал её. С кем попало тоже не трахалась, выбирала. Ставку делала не на тех, кто может сегодня заплатить, а кто всегда при капусте.

В свои двадцать восемь Ева имела великолепную внешность, неплохой заработок и море приятных ощущений чуть ли не каждый день – ей нравилось, что она делает. Она понимала – теперь уже понимала, – что это неправильно, так настоящие женщины не поступают, как не поступают и молодые девушки, садясь на колени к отцу. Но изменить стиль жизни и изменить саму себя Ева не могла. Она представляла тот тип продажных женщин, которые становятся проститутками не по нужде, а по причине своей физиологии и неправильного воспитания.

Она возвращалась от очередного клиента. В небольшом городе Ева обходилась без сутенёра. Один клиент делился номером сотового телефона с другим своим знакомым, а тот в свою очередь передавал информацию дальше по цепочке.

Такси привезло её к дому, она расплатилась с водителем. На лавочке сидел Сашка. Он догадывался, чем зарабатывает себе на жизнь Ева. Но ему было, честно говоря, всё равно.

Он поздоровался с Евой. В детстве она была прекрасным ребёнком, мелькнуло у него в голове. А теперь красивая блондинка, вся в соку! И уже в спину спросил Еву, пока она не скрылась в подъезде:

– Может, выпьем, соседка?

Она остановилась, обернулась. Сашка показал ей бутылку, развернув газету.

– Хорошая! – большой палец правой руки он поднял вверх. – Во! Сейчас Эдик подойдёт.

– Я такое не пью, – сказала Ева. Немного подумав, она села рядом с Сашкой, достала тонкую сигарету себе и ему. – У меня в холодильнике есть холодное шампанское, сейчас вынесу. И шоколад.

Вернулся Эдик. Он купил колбасы, сыра, банку кильки в томатном соусе, пластиковую посуду и минералку.

– Присоединяйся, – сказал он Еве. И тоже показал на бутылку.

– Дай докурить, – сказала она.

– Ева, всё тебе дай, да дай... – в шутовском тоне молвил Эдик.

– Без того нельзя, чтобы не погалдеть, успокойся!.. Я сейчас приму душ, и присоединюсь к вам. Без меня не пейте. Я быстро.

Когда она уходила, и Сашка, и Эдик глядели не ей вслед, а на её зад.

Потом Эдик сказал:

– Интеллигентный человек не смотрит на женскую жопу, не занимается онанизмом. Мы с тобой, Сашка, обычные люди, подверженные инстинктам.

– Нормальная реакция здорового мужика на красивую бабу, – ответил Сашка и покосился на бутылку в газете. – Если долго ждать, тёплый самогон придётся пить.

Эдик улыбнулся первой фразе. А Сашка отреагировал, что он улыбается по поводу тёплого самогона, и сказал:

– Не смейся. Я серьёзно.

4

Когда-то Галя работала на заводе крановщицей. Почти весь свой трудовой стаж. А начинала в колхозе телятницей, ей было тогда шестнадцать лет. Потом замужество, переезд в город. Учёба в ПТУ, завод.

С мужем ей повезло. Он почти не пил, а это, как казалось, главное в семейной жизни, если не считать детей. Жили они с Мишей в общежитии, так звали мужа. Он тоже работал на заводе, мастером. Деньги все отдавал жене, если что-то и оставлял себе – это не имело никакого значения, мужики все так поступают. Галя гордилась своим Мишкой. Иногда даже хвасталась перед подругами, какой он хороший. Подруги, естественно, завидовали.

Потом родился Вадик. Им дали квартиру со всеми удобствами – счастью не было предела.

Но, как часто случается, в жизни может возникнуть преграда. И этой преградой стала лучшая подруга, Маша. Не красавица – она была любовницей Мишки, как оказалось. Слухи ходили.

Вывести мужа на откровенный разговор не составило труда, – да, Мишка признался в своём грехе. И неожиданно заявил, ухажу к ней, всё!

– Так ведь она не красивая! – вдруг сказала тогда Галя. Она понимала всю безнадёжность ситуации – он меня не любит.

Ответ мужа её покоробил. Мишка сказал:

– Женщин не бывает некрасивых, бывают у мужчин разные представления о красоте.

И он ушёл.

Только через год они развелись официально. Она с Вадиком осталась в квартире. Попытки найти нового мужа не увенчались успехом. Вокруг многие пили. И, как бывает в таких случаях, мать всю себя отдала на воспитание ребёнка, работая порой в две смены на заводе.

Труды были не напрасны. Вадик окончил школу с серебряной медалью, поступил в лётное училище, оставив мать одну.

До пенсии оставалось совсем немного. Ровно год. В этот период спасала работа. Но, выйдя на заслуженный отдых, уже баба Галя (у неё родился внук) заскучала. Было дело, даже к рюмке приложилась. Но вовремя опомнилась.

Вадик приезжал в отпуск каждый год. С внуком и женой. У него всё складывалось хорошо. Он умел наводить контакты с любыми людьми. Даже с отцом у него не было в отношениях никаких проблем, хотя воспитанием сына он не занимался.

Когда Вадик уезжал, наступали пасмурные дни. Баба Галя не находила себе места. Плюс ещё маленькая пенсия. Её не хватало. Квартира была двухкомнатная – платежи высокие. Разменивать квартиру она не собиралась – может, внуку пригодится, как ни как – лучше две комнаты, чем одна. И тогда она устроилась в один из маленьких магазинчиков уборщицей. Мыла полы по вечерам.

А вскоре в дом въехала баба Таня. Они сдружились. Нашли общий интерес – обе любили вязать. Одна из них приходила в гости к другой, сядут на диван и вяжут, поддерживая неторопливый разговор. И обе изготавливали домашнее виноградное вино. Чисто для себя. У каждой имелся свой рецепт.

В процессе вязания, делая остановку, чтобы отдохнули глаза, подружки выпивали, делали маленькие глотки с миниатюрных фужеров, которые когда-то подарил Вадик.

Баба Таня была одинокой женщиной. Вдовой. Общения ей не хватало. Сын умер давно. И знакомство с Галей вывело её на новый уровень жизни, она обрела верную подругу на старости лет. Ведь женская дружба часто становится по-настоящему крепкой только в преклонном возрасте, когда в прошлом все эти любовные трения и интрижки, и великие страсти исчезли за давностью лет, делить-то некого уже, всё в прошлом.

Вечерело. Баба Галя возвращалась домой. Сегодня она устала чуть больше, чем вчера, убирая магазин, – духота.

Во дворе дома увидела соседей. Ева стояла с бутылкой шампанского, а Сашка-алкаш и Эдик, у неё создалось впечатление, – никак напиток решили.

Она прошла мимо вначале, потом остановилась и говорит:

– Если выпивать собрались, не светитесь! Полицаев, мать их, тьма-тьмущая, оштрафуют же, идите вон туда, на лавочку, там кусты сирени, не видно будет.

– Баба Галя, а ты к нам присоединяйся, – сказала Ева. – Я одна в мужской компании. Правда – шампанское будете?

– Если мужики не против – я за вином поднимусь. И Таньку позову, хватит сидеть, смотреть сериалы. Выпить и мне хочется, старой!

– Давай, баба Галя, – сказал Эдик. – Нам-то чего...

– И вина не жалея, – уточнил Сашка. – У тебя оно хорошее.

Компания, послушав бабу Галю, перебралась за столик, в кусты сирени.

Ева разложила закуску. Сашка занервничал. Процесс ожидания его утомил, он уже пожалел, что не накатила рюмашку дома.

Пиликает сотовый телефон Эдика.

– Ты хлеба скоро принесёшь? Картошка скоро будет готова, – беспокоится Жанна.

– Уже несу...

– Не задерживайся.

– Хорошо, хорошо... Скоро вернусь домой. С хлебом. Без меня не ешь.

Каждый лжёт в меру своей надобности. Эдик понимал, что, приди сюда Жанна, он распрощается со всей честной компанией.

– Ну, ты – артист! – сказала Ева. – Чего жене-то врёшь, куда ты не пойдёшь, я по глазам вижу. Скажи ей честно, где ты.

– Ага, я редко вру, поэтому часто ввожу в заблуждение. Ничего я говорить не буду.

– Смотри, чтобы хуже не было.

– Чего ты к нему пристала, – влез в разговор Сашка. – Наливай лучше, не знаю, как там вы, а я заждался. Иначе сейчас с горла опрокину.

– Давай сюда бутылку, только открой вначале, – сказала Ева и разлила самогон по пластиковым стаканчикам. – А я дождусь бабу Галю с бабой Таней... И чего я с вами связалась?

5

Хоть у Серёги с этой девочкой ничего не было, он питал к ней очень нежные чувства.

Она выходила замуж.

Побывать на свадьбе – всё равно, что поучаствовать в марафоне под лозунгом «Когда это всё закончится?», где нет финиша.

Серёга и Витька были приглашены на свадьбу. Друг Валерка женился первым, ибо залетел чувак! Это стало полной неожиданностью в первую очередь для Серёги, а не для родителей невесты, ибо дочь в семье, которой исполнилось восемнадцать лет, всегда может преподнести сюрприз для мамы с папой.

И понеслось! Рядом с сосватанным другом они были с самого утра. Следили за тем, чтобы он не забыл взять паспорт, букет для невесты – зарядить телефон и удалить из фотоаппарата снимки с мальчишника. Потом выкуп невесты (дружком посчастливилось не быть ни Витьки, ни Сергею), после выкупа помогали заталкивать гостей по машинам свадебного картежа – жених чуть было до ЗАГСа не сел в автомобиль с невестой, а этого делать нельзя. Затем ЗАГС. Утомительная процедура бракосочетания. После напутственного слова регистраторши – бестолковое катание по городу. Ресторан. Выпивка. Горько! Ведущая нудная, на ней, видимо, чья-то сторона сэкономила деньги. Дарение подарков. Ещё все трезвые и мнутя, не знают, что сказать молодым. Музыка отстойная, шансон, да «чёрные глаза», никакой альтернативы. Дружка красивая, но она принадлежит дружку. Молодых девушек мало, а те, кто есть – заняты, с мужьями... Обязанность для дружка и дружки – Витька и Серёга стащили туфлю у невесты – выпить водки из украденной туфли. Выпили. Окосели, а ещё не вечер. Конкурсы, тупые и глупые: «ударник труда» – попади поварёшкой по сковородке поступательным движением таза, «дырки» – женщины на коленях с карандашом в зубах делают отверстия на листах бумаги, лежащих на коленях у мужчин... Драка: Витька и Серёга набивают морду какому-то родственнику со стороны невесты, был не прав, как им казалось, – это уже не конкурс. Затем Серёга знакомится с девушкой, взявшей невесть откуда на свадьбе, Витька крадёт со стола две бутылки водки и закусь. И они покидают втроем место торжества, утомлённые обыденностью праздника...

– Идёмте сюда, – говорит Витька, показывая на кусты сирени.

– Куда вы меня привели, – удивляется девушка.

– Это наш двор, – поясняет Серёга.

И вот друзья смотрятся немного растерянными, когда появляются за столиком. Сашка и Эдик держат пластиковые стаканчики в руках, готовые опрокинуть их содержимое себе в рот. Ева нарезает сыр.

Первым опомнился Сашка, увидев пакет с водкой в руках у Витьки, сказал:

– Чего стоите, доставайте – что там у вас? – ставьте на стол.

– Присаживайтесь, – добавил Эдик. – Будьте как дома. Хотя вы и так дома. Как зовут девушку?

– Инна, – сказал Сергей.

– Она с тобой? – спросила Ева.

– Да, со мной, – Сергей держал её за руку.

– Мы со свадьбы возвращаемся, хотели продолжить банкет здесь, – уточнил Витька.

– Это правильное решение, – сказал Эдик. – Главное вовремя уйти, чтобы тебе никто не надоел. И не с пустыми руками.

Зазвучал аккордеон.

– А вот и мы, не ждали? – баба Галя поставила на стол две пластиковые литровые бутылки вина.

Баба Таня – никто не знал, что она владеет аккордеоном – стала играть почему-то «День победы». Звуки музыки разлились по местной округе. И вокруг стала собираться пятилетняя детвора, бегавшая во дворе. За ними подходили их мамы и папы.

И вдруг всё закрутилось, завертелось в бешеном ритме, как будто время ускорило ход.

Сашка шепнул Эдику на ухо, так и не опрокинув свой стопарик, держа его в руке:

– Глянь, сколько народу сходится, бухла не хватит!

А новые лица всё прибывали и прибывали, пока баба Таня наяривала, воодушевлённая зрительской толпой.

Кто-то запел.

И каждый теперь нёс на общий стол всё, что мог принести. Кто-то закуску, а кто-то выпивку. И когда, казалось, уже нет места (стол, надо заметить, был не маленький), всё разложено и разлито, чтобы поднять первый тост, появилась Жанна. Она прервала игру аккордеона. Баба Таня потеряла аккорд, смолк голос певца, и воцарилась тишина...

– Где хлеб, Эдя? – Жанна метала молнии.

– Нету, – неуверенно ответил Эдик.

– А деньги где?

И тут баба Галя замечает, что на столе есть абсолютно всё, но никто не додумался принести хлеба.

Она вмешивается в разговор двух супругов, один из которых готов разорвать в клочья другого, и говорит:

– Жанна, хлеба нет даже у нас на столе. Ладно тебе... не хлебом единым...

...Звучит аккордеон, баба Таня заглушает свою подругу музыкой. Кто-то толкает Жанну за стол, она присаживается, ей наливают вина. А Эдика просят, мол, говори, и он неохотно, но произносит первый тост:

– Миру – мир, войны не нужно!

Все его дружно поддерживают, аплодируют, выпивают.

Сашка наливает себе ещё, не дожидаясь никого, снова шепчет Эдику на ухо:

– Я думал, застолье рухнет, а тут всё только начинается.

– Кончится у меня дома, когда останусь наедине с женой, – вздыхает Эдик. – Вечная борьба двух полов укрепляет иммунитет, хоть и расшатывает нервы... Налей-ка мне тоже, пока моя не смотрит... Как бы ни кастрировала она меня ночью, денег-то не осталось совсем.

– Зачем ты ей нужен будешь, кастрированный?

– Не знаю, Сашка. Вот ты, к примеру, никому не нужен, ты живёшь один. А я живу в паре, и мне кажется, что я тоже никому не нужен.

Уже стемнело, и они, не прячась, выпили по третьей.

Эдик закурил.

– У нас, Сашка, не дом, а притон какой-то, а мы, каждый из нас, кто здесь живёт, тусклые огни, которые загораются на всю свою мощь только в момент всеобщего праздника. Давай за это выпьем, наливай, – и он обратился ко всем собравшимся: – За типичную ситуацию, за нетипичных женщин, за типичную Россию, за атипичную пневмонию – за всё хорошее и плохое, будем!

– Будем! – поддержала баба Таня и заиграла туш.

Чёрная смерть

Почему я пью? Этот вопрос у меня всегда возникает, когда я просыпаюсь с бодуна. Ответить на него я, естественно, не могу. Понятно почему. Ибо каждый день у меня начинается плохо.

Короче говоря, сидим мы с Борисом Ивановичем, соседом, на скамейке, напротив нашего пятиэтажного дома, где проживаем уже более двадцати лет. Он проживает с семьёй. Я проживаю один. Мы все проживаем здесь, не живём – обстоятельства такие: то свет отключат, то воды сутками нет, ни горячей, ни холодной, то канализация прорвёт, воняет на весь дом... Неосуществимые мечты, безработные мысли, кризисные планы, трясущиеся руки – это у меня. У Бориса Ивановича того хуже: неизвестно от кого беременная семнадцатилетняя дочь, остановившийся завод, жена – сука и стерва, как обычно бывает в таких обстоятельствах, тёща в больнице с инфарктом. О тёще Борис Иванович говорит прямо по Чехову: она дивный, чудный, святой человек, а такие на небе нужнее, чем на земле. Я, бывало, одёргиваю его, мол, так нельзя, а он мне в ответ: моя жизнь, мои выстраданные слова, не нравятся эти слова – не лезь в мою жизнь! Да я и не лезу, он сам, блин, всё рассказывает.

Так вот, сидим мы, значит, курим, а Борис Иванович прямо читает мои мысли, говорит:

– Эх, водочки бы сейчас испить!

– Холодной, – уточняю я.

И только мы заговорили об этом, как баба Варя с третьего подъезда подходит к нам с просьбой:

– Клавдия померла. Помочь надо.

– Благое дело, – говорю ей. – Поможем. И помянем. Обязательно.

Баба Варя почему-то плюёт себе под ноги:

– Тьфу, на тебя, Андрей! Остепенись. Звать-то больше некого, одни старики в доме. А ты нажрёшься раньше времени!

– Баб Варя, – говорю, – а чего тогда зовёшь меня, коль возмущаешься? Делать тебе нечего?

– Того – и нечего. Нет никого больше.

Родственников у Клавдии не было. Жила она одна. Как в заточении. За десять лет ни разу не вышла на улицу, даже на балконе не появлялась. Странная старушка.

Доглядывала за Клавдией тётка Ирка, также стоящая одной ногой в могиле. Десять лет, кабы не дольше, изо дня в день к Клавдии приходила. Я думал, тётка Ирка раньше на тот свет отправится. Ошибся. Ясно, что вся возня из-за квартиры, она у Клавдии однокомнатная была, и теперь переходила другому хозяину. Тётка Ирка говорила, что для сына старается, он уже седьмой год по съёмным квартирам шарахается с женой. Заработать сейчас свой угол невозможно, но я как мать должна помочь, раз силы ещё есть.

И вот, значит, мы с Борисом Ивановичем спускаем тело с пятого этажа в беседку во дворе, кладём в гроб, едем на кладбище, копаем могилу. Всё как полагается, путём делаем. Позже тётка Ирка водки, закусить передала. На следующий день похороны (решили быстрее закончить с траурной церемонией новоявленные родственники и соседи), могила засыпана, после поминки, нас благодарят, дают водки ещё (много её осталось на столах), и мы с Борисом Ивановичем два дня в коматозе, так сказать...

Снова сидим на скамейке. Молчим. А что говорить? За эти несколько дней друг другу всё высказали. Переругались. Чуть было не подрались. Но хватило ума закончить спор мирным путём: друг другу плюнули в морды и – промахнулись. У каждого из нас была своя правда. А когда две правды одна ложь получается. Да и не помнил никто из нас, о чём спорили-то.

Вижу, баба Варя направляется в нашу сторону.

– Горе-то какое! – восклицает она. – Дед Матвей помер. Что за напасть у нас в доме, а?
– Помощь, наверное, нужна? – спрашиваю я. Как вовремя смерть наступила, думаю. Дед Матвей знал, когда умереть. Хороший дед был! И смерть подгадал точь-в-точь, когда Борис Иванович и я могли сами в мир иной уйти.

– Да, Андрюша, – сказала баба Варя. – Не откажи.

– Дела как сажа бела, – промолвил Борис Иванович.

И всё повторяется вновь. Деда Матвея спускаем – только уже с четвёртого этажа – в беседку, кладём в гроб, едем на кладбище, копаем могилу... Поминки, забытьё, похмелье, бодун, скамейка: Борис Иванович и я на своих местах. Пыхтим сигаретами.

– Странно как-то, – говорю. – Две смерти за неделю. Кто следующий будет?

– Наверно, кто-то с третьего этажа, – говорит Борис Иванович. – Это уже закономерность, система.

Баба Варя знала, где нас искать. Она шла уверенным шагом, и я догадывался, что у неё плохие новости. А для нас – повод похмелиться.

– Денис, восемнадцатилетний парнишка, с третьего этажа разбился сегодня ночью на машине.

Борис Иванович толкнул меня в плечо:

– Я же говорил.

Невольным взглядом я посмотрел на дом. Окна умерших людей выходили во двор. Клавдия – пятый этаж, дед Матвей – четвёртый этаж, третий – Денис, второй этаж – там Константин Ильич, раковый больной, однозначный исход, первый этаж... у меня перехватило дыхание – я!

Баба Варя рассказывала, как разбился Денис. С её слов он на скорости сто километров в час врезался, пьяный, в дерево и вылетел из машины через лобовое стекло, но вылетел не весь: нижняя часть тела осталась в искорёженной до неузнаваемости машине. Баба Варя страшные вещи рассказывала. Я слушал краем уха, а сам думал о своей судьбе: если так будет продолжаться, то и мне придёт конец. Совсем скоро.

Похороны были грандиозные! Человек двести точно присутствовало. Наша помощь с Борисом Ивановичем не понадобилась. Там всё уплачено было другим людям. И всё равно мы надрались!

После, чувствуя близкий конец, я расплакался другу в плечо:

– Умру я скоро, Борис Иванович, как собака сдохну!

– Похороним, Андрейка, тебя похороним... не беспокойся! Честь по чести, всё сделаем по-людски.

Умел Борис Иванович успокоить, не спорю. Он пожелал мне быстрой смерти, и как только Константин Ильич отдаст Богу душу – я обязан блюсти некий ритуал, то есть не пить.

От этих слов мне сделалось совсем худо!

– Как не пить?! Да я точно тогда откину лапы! Привычка, как могила, свята! Ты чего, козёл старый, меня на тот свет раньше времени отправляешь, совсем нюх потерял, а! – И я его ударил. Дело происходило поздно вечером. Поэтому я промахнулся, попал кулаком в стену. Кость руки затрещала.

– Так тебе и надо, – заявил Борис Иванович и пошёл домой.

Злой рок навис надо мной. Ожидание.

Руку загипсовали. Я возвратился из больницы – новость не была для меня неожиданностью: Константин Ильич.

Баба Варя смотрела на мою руку и говорила, жаль, что я ничем не смогу помочь, вся надежда на Бориса Ивановича.

– Нет, – отрезал он, – хватит!

– Что так? – баба Варя стояла растерянной.

– Следующий Андрей, если разобраться.

Ничего не понимая, баба Варя махнула руками, сказала:

– Да он ещё молодой, куда ему! Сорок лет – не срок.

– Вот именно, Борис Иванович, не отказывайся, помоги. А со смертью я сам как-нибудь разберусь.

И дни полетели опадающими с деревьев листьями. Осень. Два месяца я ждал смерти, мой черёд давно уже настал. Желание взглянуть смерти в лицо пьяными глазами, чтобы не испугаться, дыхнуть перегаром – где ты, сука? – усиливалось... Боишься меня? Я тебя – нет!

Так я себя успокаивал, а сам дрожал, держа гранёный стакан, до самых краёв налитый, всегда наготове, если что...

...и появилась она, в чёрном балахоне, с косою, похожая чем-то на бабу Варю, и сказала:

– Здесь от тебя пользы нет, и там не будет. Жизненная суть твоя правдива, а весь реал жизни – лживый. – Хуйню сказала, это понятно, но зато достала бутылку водки «Чёрная смерть», поставила на стол и ушла. Больше я её не видел. Водка была кстати, моя закончилась.

Утром пришёл Борис Иванович.

– Ты ещё жив? – он каждое утро меня навещал.

– Не заметно, что ли? На хотенье есть терпенье.

– Тёща умерла, – грустно произнёс он. – И дочь родила. Всё в один день. Радоваться мне или плакать?

Я сам бы не знал, как поступить. Поэтому предложил:

– Давай лучше выпьем, смотри, что у меня есть... – и пригласил зайти ко мне в гости.

Чермет

*«Я знал, что это сон
Небыль, чепуха, болотный пузырь со дна памяти. Дремотный
всплеск фантазии пьяницы. Судорога похмельного пробуждения».*

Братья Вайнеры «Петля и камень в зелёной траве».

Второй день запоя.

В доме выпить мало и нечем закусить.

Танюха спит, уткнувшись лицом в стену. Она перебрала вчера больше меня, но опьянела меньше. У неё всегда так. Гладко в первый день, а на второй – её воротит. Если не дать выпивки.

Егор лежит рядом с ней. Его рука залезла ей под блузку. Никто из них не ощущает прикосновения. Инстинкт в пьяном угаре: без чувств.

Я открываю бутылку пива зубами (армейская привычка), одним залпом опорожняю её содержимое.

Легче!

Надолго ли?

Ноутбук не закрыт. Шевелю мышку. Вспыхивает экран: порнография. Егор пялился. Танюхи мало, что ли? Она вчера стриптиз показывала. Уже в стельку пьяной. После оделась – и в отруб! Наверное, ничего не помнит. Всегда так: трезвеет, говоришь, какой у неё классный танец получился, а она не верит, что могла раздеться.

Но сон её всегда спасает от секса. Оно и понятно, собрались не для оргии – побухать. А пьём быстро – быстрее, чем кончаем. Дальше, как карта ляжет.

Рождённый пить – е...ть не может.

Алкоголизм.

Но только я один считаю себя алкоголиком.

Ни Егор, который пьёт, наверное, с первого класса, ни Танюха, блуждающая, где наливают, из хаты в хату, на протяжении уже трёх лет, не признают этот факт. Они здоровые члены общества! Танька видит в себе пока ещё женщину, смазливую, которой только за тридцать, а Егор в двадцать девять лет выглядит на все сорок, но ему срать на свой внешний вид, он не баба, а мужик, которому не в зеркало надо смотреть. Правда есть разница, я на четвертый день приду в себя, а они – не знаю. Там узелок покрепче завязан. На этой почве.

В магазине беру ещё водки и пива. Закусь: грибной салат, маринованные огурчики, курица-гриль, полторашка колы. На оставшиеся сутки хватит.

Звенит мобила. С работы. Трубку не беру. Отмажусь после. Не в первый раз. Прокатит.

Входную дверь открываю тихо, чтобы не разбудить спящих. Медленно крадусь в гостиную.

Егор не спит. Он стащил джинсы с Танюхи, снял её трусики, но Танька, кажется, продолжала спать или претворялась.

– Ты что делаешь? – спрашиваю.

– Витёк, сколько баб было у меня за всё время, но ни у одной не рассматривал так близко...

Меня пробивает смех. Я не сдерживаю себя. Эта сцена из другой жизни. Егор не врёт. Все мимолётные пьяные трахи проходили у него на скорую руку. Как у мастурбирующего мальчика. Откуда ж познания анатомии женского тела?! Бедняжка. Дорвался до халявы!

Танюха приходит в себя и по инерции бьёт в лоб Егора пяткой.

Приступ смеха истеричный. Я валюсь на пол. Егор, отлетевший в сторону, не понимает, что произошло. Он смотрит то на меня, то на Таньку.

После сам начинает смеяться.

– Вы меня хотели изнасиловать! – заявляет потерпевшая.

– Тебя просто рассматривали, как картинку в порножурнале, – говорю я сквозь слёзы.

Танька натягивает джинсы, забыв про трусы. Ей не до смеха.

– Врёте!

– Успокойся. Это правда.

Она мне не верит. По глазам вижу: испугана. Своей незащищённостью.

– За два года нашего знакомства тебя трогал кто-нибудь без твоего согласия? Я или Егор?

Другие – знать не хочу.

– Нет.

– Вот видишь. А Егор был сломлен твоей красотой. Между ног особенно. Да и выпил не в меру. Вчерашний стриптиз раззадорил. Любопытство проснулось. Ему захотелось заглянуть внутрь.

– И что там интересного, гинеколог хренов?

– Да так...

Она успокоилась. Я был убедителен.

– Выпить ещё есть? – Танюху трясло.

Я кинул бутылку пива. Она, как кошка, поймала свою добычу. Но не без труда.

Егор открыл водку и принялся пить с горла. Я остановил его.

– Дружок, не налей. Это не пиво. Разлей по рюмкам.

Недовольный, он нашёл на журнальном столике грязную замусоленную тару, налил по пятьдесят, сказал:

– За вас, ребята.

– Извинись, – говорю, – перед Танькой.

– Шас, выпью...

Он отставляет рюмку и лезет целоваться. Танюха отталкивает его рукой в лицо. Егор валится на пол.

– Сука!

– Тихо, извращенец. Не ругайся.

– Витёк, она издевается надо мной.

– Правильно делает.

Егор заползает на диван, ложится, отвернувшись от нас. Обиделся. Слабохарактерный, он всегда так поступает.

– Пить больше не будешь? – спрашивает Танька.

– Оставьте пива.

– Я думал, тебя оставить в покое.

– Витя, ты – скотина, – шепчет он.

Его слова я пропускаю мимо ушей. Не стоит волноваться по пустякам.

Бутылка допита. Сон смаривает. Хотя всего три часа дня.

Первой засыпает Танюха. Егор спит давно. Я ухожу последним...

– Тань, а Тань? – спрашиваю.

– Чего надо?

– Давай тебе в жопу засуну два пальца.

– Почему два?

- Три не поместится.
- Егора интригует наш диалог. Он говорит мне:
- У тебя не стоит уже? Пальцы решил применить?
- Хочешь на себе испытать?
- Витя, ты гомик!
- Зачем так грубо, Танька тебе поможет. А, Танюха? И с Егором квиты будете.
- Не хочу руки марать...
- Жаль, а то бы он подмылся.

Полночь.

Шведский стол пуст.

Снаряжаю Егора в ночной ларь. Даю деньги.

– Ментам, смотри, не попадись. Мне на тебя... сам понимаешь, а вот нас оставишь ни с чем.

– Лады, – отвечает. И уходит.

Танюха начинает приставать первой. Алкоголь делает женщину нимфоманкой. Она говорит:

– Я, Витя, ребёнок, милый, наивный... я не принадлежу никому. Я вижу свободу во всём, когда показываю вот это... – она снимает блузку и лифчик, большая отвисшая грудь беспомощно свисает до пупка; сиськи кажутся мне неестественными, днём раньше они были не такими, и я мотаю головой. – Хочешь, я взберусь тебе на колени котёнком? Ты погладишь меня.

– Отсоси!

Кончить в рот невозможно, коль не стоит. И Егор вернулся быстро...

– Я не помешал?

– Нет, – говорю.

Ширинку мне Танюха застегнула сама.

Всё повторяется. Пьём молча. Не по правилам. Егор думает, что я на него злюсь из-за Таньки. Ошибается. Я добрый и злюсь на себя. Я не вижу разницы между нами. Интересно, а у Егора получится?

– Танюша, Егорка тоже человек.

Она делает ему минет, я пью пиво. Смотрю.

Странное чувство возникает, когда ты не при делах. Егор оказался сильнее меня, пусть я и старше...

– Идите вон! – не выдерживаю.

– Ты сам попросил, – говорит Егор.

Я бью его в лицо. Он падает на четвереньки.

Танька убегает в ванную, закрывается. Я не могу сломать дверь. Мне хочется её ударить. Злость закипает во мне расплавленным свинцом. От бессилия я поворачиваюсь, чтобы ударить ещё раз Егора, но получаю сам чем-то тяжёлым по голове...

Силуэт двоится. Фокусировка не удаётся сразу.

– На. Выпей!

Двести грамм водки. Егор протягивает мне гранёный стакан. Где он его взял?

– Ты живой?

– А что произошло?

- Да так, ничего.
- Где Танька?
- Ушла. Больше не придёт. Тебя испугалась.
- Я выпиваю лишь половину. Закусываю пучком петрушки. Егор допивает всё остальное.
- Я пойду, – говорит он. И поспешно уходит, не объяснив ничего.

На работе отмазаться не получилось. Уволили.

Грусть возрастает, когда нет сочувствия, а природа смеётся тёплым деньком. Я знал, что предпринять, но желание выпить отпадало само собой сразу, в одно мгновение, когда на встречу шла какая-нибудь красотка. И я оглядывался, переводя взгляд вниз, на бёдра, не стесняясь взглядов прохожих, бросаемых в мою сторону, на эту наглость. Мне было всё равно; я не знал почему.

Пьяный без вина, без вины виноватый (так я считал в тот момент) я болтался сам по себе по местной округе, не желая заходить ни в одно кафе или бар, где предмет вожеления можно было найти почти сразу. Требовалось чего-то другого, романтики, наверное. И это в тридцать пять лет, когда всё романтическое отпадает само собой за ненадобностью, а из-за повседневности возникает суета, перекрывающая чёрной вуалью цвета радуги, и дни превращаются в однообразное варево кислых щей. Радость, как всплеск эмоций, на короткий миг, улечивается яркой искрой, показавшись в ночном небе падающей звездой, да так, что не успеть желание загадать. И от этого становится грустно больше. Обиды лишь нет: обижаться-то не на кого, только на себя. И злости нет. Безволие и апатия.

Танюха позвонила на сотовый:

– Я хочу выпить. Я приду?

– С Егором?

– Он умер. Не знаешь?

Мне было всё равно.

– Нет.

– Я приду? Помянем.

Такое случается. И с каждым может случиться.

– Как он умер?

– Сбил пьяный водитель.

– А он был трезвый?

– Не знаю.

Какая разница. Действительно, равнодушие опустошало.

– Царство небесное! – И я отключил телефон.

В голове слышится стук металла о металл. Не металла о плоть, нет...

«Вторчермет»... Я оттуда уволен.

Правда скрывается чуть подальше ото лжи, рядом с кладбищем

– Водка – это краска, которой можно разукрасить серый мир. Но она быстро смывается. Вот поэтому я здесь снова, – сказал Рома, завсегдатай бара, и опрокинул содержимое рюмки в рот.

– Ты лжёшь самому себе, – ответил бармен. Иногда он поддерживал разговор с Ромой. От нечего делать. Если не было клиентов.

– Мне остаётся только разглагольствовать. Все громкие события последних дней говорят об одном, нас терпеть не хотят, ненавидят. В скором времени – стрелять начнут. А смерть узаконят. Людей надо любить, а вещи использовать. Меня используют, например, и тебя тоже – не любят, не могут любить. А мы молчим. И пьём, – Рома подставил рюмку, чтобы бармен налил ещё.

– В долг наливать? – бармен не торопился выполнить просьбу завсегдатая.

– А сколько я должен?

– Пять сотен.

Рома порывлся у себя в карманах, нашёл четыре сотки.

– Вот, вычеркни, – он протянул деньги.

– Значит, в долг, – сказал бармен.

Рюмку Рома подтянул к себе, но пить сразу не стал, сказал:

– Вся хрень, творящаяся вокруг, говорит об одном: начался закат, новейшая история пишется другими людьми.

– Говорить такое не боишься?

– Послушай, – Рома перегнулся через стойку бара, – для меня будет более мучительно больно, если я замолчу совсем. Из-за страха, или по какой-то другой причине. Иногда надо говорить, чтобы заговаривать возникающую боль. – Он снова вернулся на своё место, присел, выпил водку. – Недавно наткнулся на интересную фразу в интернете. Кто-то сказал, что выбраться из жизни живым никому всё равно не удастся. Ты не знаешь, кто это сказал?

– Не знаю, – бармен был краток. Он уважал этого постояльца за то, что тот никогда не врал. И всегда отдавал долги. Его пьяные разговоры совпадали с его мыслями. Только он молчал, а этот говорил вслух. Может быть, он говорил эти вещи только ему, но какая разница. За смелость он уважал Рому.

– Вот и я не знаю. А сказал хорошо! И он вошёл в историю. Анонимно. Для меня. Но я его фразу запомнил, и я ей воспользовался. Кто был этот человек, кем он был, совершал ли ошибки – тайна. И не так важно – совершал он их или нет, он аноним. Сам он мёртв, может, а его фраза жива. Для истории это безразлично, если нет имени. Многие из нас много говорят, но всё впустую. Потому что не в том ранге. История про нас даже не вспомнит. Но посмотри, друг, на тех людей, которых мы видим в зомбоящике, – они войдут в историю! И тут возникает мысль, что история разбирает ошибки после, которые можно было не совершать. Это понимают многие, понимаешь ты, друг, думаю, понимаю я, но не те, кто в эту историю войдёт. Они чего – специально так делают? – Рома на мгновение замолк. Бармен ему ничего не ответил, он стоял и слушал, ждал продолжения монолога, а может, хотел услышать ответ на поставленный вопрос из уст самого задававшего его. И Рома сказал: – Налей-ка мне ещё рюмочку, – и бармен ему налил. Так и не дождавшись ответа, потому что завсегдатай бара закурил, его глазки сузились, и он отстранённо посмотрел куда-то выше головы бармена. Невольно, бармен перевёл взгляд в ту точку, куда смотрел Рома, уж больно он пристально смотрел туда. Но ничего там не увидел.

– Ты пьёшь и не закусываешь. Есть бутерброд. Будешь? Бесплатно.

– Хорошая услуга у меня – буду.

В одно мгновение перед Ромой на пластиковой тарелке появился ломтик хлеба с двумя колясками копчёной колбасы и веточка петрушки.

– Отлично, друг! – сказал Рома. – Умеешь услужить!

– Жалко тебя, – сказал бармен. – Ты годишься мне в отцы. Я тебя не знаю, и ты меня не знаешь, но я к тебе проникся.

Рома усмехнулся, сказал:

– Друг, я тебя знаю. По твоему бейджику: Орехов Иван. Хорошее имя, хорошее фамилия. Но имей в виду: важно сочувствие с жалостью не путать, разные это вещи. Может, поэтому тот, кто считает жалость хорошим чувством, удивляется, когда люди отвечают на его всякие добрые намерения агрессией. Я, конечно, не из тех людей. Я говорю тебе спасибо за бутерброд, а не за проявленную ко мне жалость.

– Ещё налить?

– Бесплатно?

– Хорошо, но только одну рюмку.

– Это по-нашему, друг! Тепло принимаешь. Теперь я понимаю, почему ходить в гости лучше осенью или зимой. Она, на улице прохладно, а ты своей лишней рюмкой моё большое сердце согреваешь.

– Я оказываю внимание, так как начало рабочего дня, клиентов нет пока.

– Это понятно. Я знаю точно одно, друг: тебе места в аду не хватит. Ты добрый малый, таких бравых солдат не берут в преисподнюю. Скорей всего жизнь даст тебе пинка под зад, и ты улетишь в небеса. Но произойдёт это не скоро, сам понимаешь... Налей мне ещё рюмочку, я тебе сейчас историю одну расскажу. И пойду домой потом спать. Кстати, из моего окна, если взглянуть – этим я, видимо, никого не удивлю – видно кладбище. Кресты, могилки, венки, оградки, каштаны и сирень. А ещё – кучи кладбищенского мусора: салфетки, искусственные цветы, облезлые венки, спиленные ветки. Зимой это всё засыпано снегом. Летом – видится зелёный рай. Каждую ночь горит одинокий фонарь. А если восходит Луна, сторож не включает электрический свет, от этого становится жутковато. Чьи тела покоятся там? О чём они мечтали? Думали о чём? И ведь где-то они засыпали, и ведь с кем-то они засыпали?.. Бог ты, – водка мой язык подвешивает...

– Пожалуйста, – бармен пододвинул рюмку ближе к завсегдатаю. Рома откашлялся и, будучи тем самым евреем, только бедным, исполосованным русской повседневностью, но больше алкоголем, а стало быть – совсем обрусевшим, стал рассказывать:

– Это было лет двадцать назад. Так вот, бар «Брандмейстер». Здесь наливали приличное пиво. А главное – дёшево. Я туда заходил каждый вечер. Рома – тот мой знакомый тоже был Рома – приходил раньше, занимал самый дальний столик, откуда было хорошо видно посетителей, телевизор, а главное – в жару поток воздуха от кондиционера дул не прямо на тебя, а просто обдувал, понимаешь...

Вначале мы сидели вдвоём. До самого закрытия. Сбегали от домашнего холостяцкого одиночества. То есть до часу ночи. Бармен нас знал, как ты сейчас меня – может, чуть лучше, а официантка Юлия всегда составляла компанию, если у неё было свободное время от других посетителей. Нам всегда доливали пива до самых краёв, как положено.

А после появилась она. Это произошло неожиданно. Для всех. Потому что посетители, большая часть клиентов, – мужики, уставшие и грязные (рядом с пивнушкой тогда ещё работал механический завод), спешащие домой с работы, к детям и жёнам. Нам же, Роме и мне, спешить особо было некуда, и мы тянули пиво медленно, не спешили, чтобы почувствовать весь вкус благородного напитка.

Так вот, она вошла в бар, подошла к стойке. Шум, гул, гам питейного заведения – и вдруг тишина... Все смотрели на неё. Рома тоже глазел. А я рассматривал. И там было на что взглянуть! Высокая, стройная, смуглая – боже! – эта молодая женщина обладала той самой красо-

той, на которую обращают внимание любые мужики; слепой бы прозрел, импотент возбудился; я мог бы вечно смотреть на неё, и я незаметно для всех почесал яйца – полтора литра пива дали о себе знать почему-то зудом между ног. Она была, на первый взгляд, из тех женщин, что, сохраняя вид невинных страдалиц, ухитряются полностью утолять свой голод, всегда и везде.

Она взяла кружку пива, огляделась – все столики были заняты – и увидела нас.

– Разрешите? – спросила она.

– Да, конечно, – ответил Рома.

Я обратил внимание на голос, низкий и грубоватый, нисколько не сочетающийся с её внешностью. Мелькнула мысль, много курит. И то, как она спросила – не «можно», как обычно говорят женщины, а «разрешите».

Когда она под села, в баре снова застучали бокалы, задвигались с грохотом стулья, возобновилась прежняя жизнь.

Изменения, перемены...

Её звали Аня. Она сразу представилась и по-мужски протянула руку. Вначале Роме. Потом мне. Я попытался задержать её ладонь в своей руке чуть дольше. И она это позволила.

– Рома, – сказал я.

– Мой бывший муж – тоже Рома. Я помню только его имя. Остальное – забыла. Стёрла из памяти. Но чувства похожи на привычку – пока болею.

– Как вы оказались здесь, Аня? – я назвал её на «вы», по-другому не смог. И я знал, чтобы она не ответила, я ей не поверю: женщины часто поступают неосознанно.

– Работаю рядом. Главным бухгалтером, кстати. И очень люблю пиво. Хорошее пиво. А здесь – оно лучшее. И, мальчики, просьба – обращайтесь на «ты».

– Это правильно, – сказал Рома. – За это надо выпить.

Так мы познакомились. Я обратил внимание на Рому, он смотрел на нашу новую знакомую с оттенком подозрительности. Видимо, не верил, что такая красавица может оказаться здесь, а после – рядом с ним. У него дрожали руки, и, когда она села за наш столик, он пытался с ними справиться, унять дрожь.

Я рассказал анекдот про Вовочку. Анекдот был политический. Затем ещё один и ещё... Аня смеялась от души. То, как она это делала, – было видно, ей действительно смешно. Морщинки вокруг глаз и в уголках губ углублялись, а глаза светились огоньком.

Аня допила пиво, заказала второй бокал. Я, было, хотел угостить, но она отказалась.

– Не надо. Сама попрошу, не волнуйся.

Она мне нравилась. Не только за смазливую внешность. Что-то в ней присутствовало грубое и мягкое одновременно.

– Почему выбрала наш столик? – поинтересовался я. – Подсядь за любой – тебе не отказали.

– Рома... и Рома – вы не из этого места, – она обвела рукой зал, наблюдая за кистью своей руки. Видимо, Аня уже была слегка пьяна, когда вошла. – Каждый из вас тут – и не тут. Это сразу заметно. И я не отсюда. Но здесь подают хорошее пиво. Там, где подают хорошую еду, нет хорошего пива. А я повторяю, мальчики, – Аня сделала паузу, – люблю хорошее пиво. И мало ем. Кому бы я составила компанию? Правильно – только вам. Я редко ошибаюсь.

Она нас называла мальчиками, хотя нам было за тридцать пять. Видимо, она всех мужчин называла мальчиками. Это слово выбивало из неё огонь. И чтобы затушить пламя – Аня вливала в себя пиво. Когда она это делала, сжималась как бы, сутулилась. Сделав глоток, остывала и выпрямлялась.

Затем в баре появился инвалид с ребёнком. У него не было правой руки выше локтя. Он направился к нашему столику уверенным шагом. Ребёнок громко поздоровался. Так его, наверно, учили в садике. А инвалид этого делать не стал. Я решил, потому что он без правой руки.

– Мой отец заботливый дед, – обрадовалась Аня. – А это Вадик, сынок. Мы живём вместе.
– Пойдём, – отец Ани был немногословен. На нас он не обратил никакого внимания.

И они ушли. Напротив входа в бар стояла «семёрка», как сейчас помню, красная такая!.. Аня села за руль. Она не боялась водить автомобиль в нетрезвом виде – как и все женщины, была слишком самоуверенна. Это нормально, конечно, если отвечаешь только за себя. Но с ней был ребёнок и отец.

Короткие посиделки Ани с нами продолжались трижды. Она приходила одна. Сразу подсаживалась. Заказывала пиво. Курила после каждой кружки. Затем появлялся отец-инвалид с внуком, она прощалась и уходила.

Своим уходом она волновала меня. Потому что я смотрел, как она уходит – довольно быстрой походкой – и видел её зад, упругий мячик. С самим собой я всегда договарюсь, думал. Выпью пива – и нет проблем. А вот с Аней – пиво не помощник.

Потом она не пришла. Рома завёл разговор о ней. Ему, естественно, тоже нравилась Аня. Он спросил:

– Как думаешь, что она здесь делает? Снимается? – вопрос этот тоже меня интересовал, но я его не задавал самому себе, не знал ответа.

– Вряд ли. Ей это не нужно.

– Всем нужно. Я знаю.

– Не в этом же месте. Искать приключений.

– А где? Может, она хочет грязного, грубого секса. Надо ей намекнуть, если увидим снова. Ты посмотри, как она пьёт пиво, она – алкоголичка!

– Пьём мы все, ты сам прекрасно знаешь. У каждого своя мера. Об остальном молчу – я не могу отвечать не за себя.

– Не, у неё, правда, на лице написано – хочу... пива и секса, – Рома засмеялся. С ним я был давно знаком. Потом долго не виделись. И вот встретились тут. Он развёлся. Я развёлся. На этом и пересеклись.

Я спросил:

– Чего развёлся?

– Изменила. Красивые женщины легко изменяют, – сказал он и успокоился.

– Я так не думаю.

– А зря. Я уже год пью, а она целый год трахается со своим новым возлюбленным. И, насколько мне известно, готова сбежать к другому любовнику. Я вообще не понимаю женщин – у меня было всё: дом, машина, бизнес. Она училась семь лет. Я её содержал. А после – раз, и нет ничего! Ненавижу!

В прошлом Рома имел шесть магазинов «Рыбак». Торговал удочками, крючками и прочей хренью.

– Как бизнес? Ты здесь в баре сутками пропадаешь.

– А нет его! Продал.

– На что живёшь? – удивился я.

– На вот это и живу. Лет на десять ещё хватит денег, чтобы не работать.

– А потом?

– Сдохну...

– И это всё из-за неё?

– Да.

– Любовь спасает, а в твоём случае – она смертельна.

– Я в такой депрессии, если бы ты знал...

– Рома, вижу по лицу.

– И я это вижу в зеркале, но остановиться не могу. Мне ничего не интересно. Я не хочу читать, я не хочу куда-нибудь ехать, я не хочу есть, я не хочу смотреть футбол. Я не хочу... Хочу вечно пива. И чтобы не так скучно было – смотрю телевизор. Всё подряд смотрю.

В тот вечер я подумал, а я чем отличаюсь? Ничем! Разница только в том, что работаю. Иначе – не проживу.

– Жить не страшно? – спросил я.

– А ты у себя о том же спроси, – парировал он.

Я отхлебнул остаток пива из кружки, подумал и сказал:

– Трудно отвечать за двоих. Думаю, больше всего я боюсь самого себя, а не жизни – я сам для себя не изучен.

Рома смолк. Он тяжело вернулся из прошлого в настоящее. Это было видно по его глазам: когда он рассказывал – взгляд его протрезвел. А теперь становился мутным.

Бармен спросил:

– Это всё?

– Да.

– А что произошло с той Аней?

– Я на ней женился.

– И?..

– Она была самоуверенна, я же сказал.

– Не понял, извини...

Рома поднял на бармена глаза, всё это время он смотрел куда-то в пол. Они слезились.

– Нет её, разбилась на машине. Не вошла в историю раньше, чем могла не войти.

– Грустная история...

– Это не история, друг, это жизнь. Она не любила меня, поэтому продолжала пить своё любимое пиво, «Брандмейстер»... Я пойду, налей-ка ещё...

Возле выхода Рома остановился. Несколько человек вошли в бар.

– Поэтому я живу возле кладбища, моё окно выходит прямо на её могилу... А я её любил, – сказал Рома бармену, но тот его не услышал, он был занят, принимал заказ у новых посетителей.

Каучук

Иду в бар выпить пива.

Заведения, подобные этому, имеют один и тот же запах: кисло-рыбно-прокуранный.

Беру два бокала пива, фисташек.

Вечер только начался, а уже почти все посетители – дрова! Интересно, это зависит от некачественного дешёвого пенистого напитка или от состава посетителей?

Много женщин. Полупьяных. Все – затасканные: этих я называю бабами. Они ищут грязного секса, а иначе – разве можно появиться уважающей себя даме в таком обществе?!

Но на них мало кто обращает внимание. В последней стадии опьянения некоторые из мужчин начнут приставать к ним, – какая потом уже разница! Конечно, жаль весь скотный двор, но ничем не поможешь...

Часто сам бываю в подобном состоянии... Но у меня оправдание – трезвый пьяного не понимает. В данный момент.

Пока я не в форме, чтобы напиться. Литр пива – это не показатель.

Допиваю остатки, выхожу на улицу, закуриваю. Чем бы заняться?

Достаю сотовый телефон, звоню Ленке.

Ленка – проститутка. Работает в «Эскорте» – элитное агентство продажной любви. Раз элитное, значит лучшее, значит дорогое. Но за хорошее обслуживание – денег не жалко.

Возвращаюсь домой.

Я заказываю только Ленку. Она мне нравится. Можно сказать, она красавица. Описывать внешние данные – это всё равно, что алкоголика выводить из похмелья заочно, рассказывая ему басни о водке и не давая выпить; у каждого из нас свои представления о красоте, как и о вреде алкоголизма.

Ей двадцать пять лет. Как она говорит. Я даю больше, но это не важно.

Дома делаю уборку, жду.

Сутенёр привёз девушку в назначенное время. Я открыл дверь. Он зашёл первый, она – следом. Ленка остановилась возле меня, он, не разуваясь, пошёл через прихожую в одну комнату, в другую, выскивая, как ищейка, непонятно что.

– Всё нормально, шеф, – говорю. – Ты не в первый раз здесь. Я живу один.

– Положено.

– Ты, как ментяра, – смеюсь.

– Я – он и есть.

– Бывший, – шепчет Ленка в моё ухо. Возбуждает.

Он выныривает из кухни, смотрит на часы:

– Время пошло. В два часа ночи я звоню в дверь.

Уходит. За ним запираю дверь на все замки.

Ленка сидит в кресле, нога за ногу. Длинные тонкие ноги оголены выше колен до неприличия. Я люблюсь ими какое-то мгновение. Она улыбается. Редкое явление для проститутки. У неё ровные белые зубы – пока никто не бил, видимо. Это – такая же редкость, как гроза в Антарктиде.

– Витёк, с тобой я отдыхаю. Уморили меня сегодня. Давай чуть позже, а?

– Как скажешь, – говорю. – Мне не горит.

– Не ври. Горит, ещё как! Иначе – не вызывал бы.

– Угадала. Но ты заметила, что третий раз я хочу только тебя. Не знаю, что буду делать, если уйдёшь из агентства. Не драть же!

– Я девушка красивая, – она оголяет соски, два тёмных соска нагло смотрят на меня, – знатная... Короче, хватит разглагольствовать, – я жрать хочу!

– Проголодалась, девочка, – я целую соски поочередно, – еда на кухне.

Ленка отталкивает меня, вырывается из рук.

– Чуть позже, Витя.

Она сама открывает холодильник, достаёт ветчину, майонез. Я отрезаю хлеб.

– Чай заварить? – просит.

– Могу водки предложить.

– До утра ещё успею набраться. Не стоит!

Включаю электрочайник.

– А я выпью.

– Для храбрости? – она издевается надо мной с забитым ртом. Но не зло.

– Шутка неудачная.

– Неприкасаемый! Шутка может быть и неудачная, но, когда твоё чудовище входит в мои дырочки, здесь не до шуток, – она смеётся заливым обаятельным голосом. – Тебе нужна лоханка. У нас в «Эскорте» есть Жанна. Могу посоветовать.

– Жанна из тех королев, кто любит роскошь и ночь?.. Учтём на будущее. Она хоть ничего?

Внешне.

– Тебе понравится. Я и Жанна – самые востребованные девушки...

– Интересно. – Я наливаю сто грамм водки, выпиваю, занюхиваю душистыми волосами Ленки, закусываю кусочком ветчины. – Закажу вас двоих. После.

– Валяй! Мы тебя затрахаем!

– Уверена?

– Уверена. На сто процентов.

– Посмотрим. А не боишься, что Жанна придётся мне по вкусу?

– Я не ревнивая, Витя, – голос Ленки завибрировал.

Разговор ни о чём продолжается ещё минут тридцать. Я даю девчонке отдышаться от предыдущих клиентов.

– Этот урод, что с тобой приехал, – где он там стоит, внизу? – что он ищет, что ему нужно?

– Ты заказываешь девушку для себя, один. Бывали случаи, что в подобных ситуациях некоторых из нас ждала групповуха. Шесть, а то и семь человек. Поверь, это страшно. Обычно без побоев не обходится. Дважды сама попадала в подобные ситуации. Живого места нет. Неделя потеряна. И для меня. И для маман.

– Понятно. – Я закуриваю сигарету.

– Ещё он смотрит, пьян ты или трезв. К пьяным нас не пускают. Но в процессе работы – можно, и нам, и клиентам.

– И всем руководит женщина?

– А ты не знал, что ли?

– Откуда мне знать.

Ленка и я идём в душ. Первый выхожу я.

Я раздеваюсь, ложусь в постель.

У нас с ней всё по-домашнему, как у мужа с женой. Разница только в том, что, в конце сексуальной гонки, я достаю рубли, отсчитываю положенную сумму, расплачиваюсь. Сделка совершена. Каждый остался довольным. И продавец, и покупатель.

А там, внизу, под балконом, сидит сутенёр в машине. Он ждёт Ленку. И он готов по первому зову, наверное, прийти ей на помощь. Получится?

Но я её и пальцем не трону. А вот его побил бы. Морда лица сутенёра просит кирпича! Есть люди, которым желание помочь возникает безвозмездно, так они выглядят; или излучают

флюиды жертвы, если за ними наблюдает психически нездоровый человек. А есть такие люди, которым выписать пиздюлей – как сказать «здрости» хочется. Каучук, словом.

Теперь я понимаю, почему маньяки редко ошибаются в выборе жертвы. Она, жертва, сама притягивает насильника: то ли поведением, то ли внешностью, то ли чем-то ещё... Ленка – уже жертва тех обстоятельств, вогнавших её в древнее ремесло. Да, со мной она оживает, с другими – черствеет (самозащита), превращается в резиновую женщину...

От злости я сжимаю челюсти. Звук скрежещущих зубов приводит в себя.

После секса – как разбитый арбуз, с тебя течёт, ничего не хочется. Я удивляюсь в работоспособности рабынь любви – ведь это не в кайф! Несколько раз в день с кем попало! Я у Ленки не последний за сегодня. А кто следующий? Конь в пальто?

Сверх положенной суммы кладу три сотки.

– Нормально?

– Витенька, ты мой любимчик. А Жанночка – она не достойна такого клиента. Она, понимаешь, дура. Ей подавай мальчика с обложки!

– Я тебя не променяю, не *боись*. Но ты сама меня заинтриговала.

В оставшееся время я накатил три рюмки водки.

Ровно в два часа раздался требовательный звонок в дверь.

– Мне пора, Витюля!

– Вали. Как зовут-то этого сутенёра-мента?

– Вадик. – Она идёт на выход.

– Почему я не люблю это имя, а? Ленка, ты не знаешь?

Меня целуют – это новенькое что-то. Я открываю дверь, выпускаю девушку.

– Вадик? – обращаюсь к долговязому пареньку. – Мне тебя так представили. Эээ... значит, ты мне не нравишься. В следующий раз приедешь вместе с Ленкой, то получишь точно так же, – и бью его в лицо. Прикладываюсь изо всех сил, он летит по лестничному маршу вниз.

– Что ты делаешь! – орёт Ленка на весь ночной подъезд. Эхо, исходящее от стен, усиливает крик.

Она подбегает к Вадиду, который не двигается, опускается перед ним на колени.

– Брось его, сам очухается.

– Ты меня подставляешь, – она смотрит бешеными глазами. – Обслуживания больше не будет, дурак. Не в моих силах сделать невозможное – тебя накажут!

Подхожу к Вадиду. Он потерял ориентацию и не может подняться. Я его ещё разок пинаю ногой в рёбра, он хрипит.

– Убьёшь, успокойся!.. Сволочь!

– Таких не жалко, – я завожусь от того, что Ленка пытается остановить меня.

Я бью его второй раз кулаком в нос и чувствую хрустящую мягкую кость переносицы. Вот теперь он теряет сознание – точно. И в этот момент чувствую осязаемый пинок в пах.

– Сволочь, ты!

Ленка тут же получает «леща» по щеке! Секундная пауза – и она ревёт, захлёбывается слезами, выступившими из больших красивых глаз.

– Он ничего не сделал...

– Уверена?

– Да!

– И что ты хочешь этим сказать? Он – хороший, а я – плохой, так что ли?

– Я говорю – ты безмозглое животное, зверь...

Взваливаю пострадавшего на плечо, спускаю к машине – он тяжелый, хотя и худой. Ленка находит ключи в карманах его брюк, открывает дверь. Сажая бесчувственного Вадика за руль старенькой «шестёрки».

– Сиди с ним. Придёт в себя, скажи, если привезёт тебя ко мне опять – получит, как я обещал. Он, думаю, всё прекрасно усёк. Поняла? А лучше сама отвези его в больницу, водить ты умеешь, думаю, – и уйду.

– Следующего раза не будет, – слышу. – Не надейся.

Дома допиваю бутылку водки.

Не нахожу себе места. Блядво, нашла кого жалеть! Себя уважать надо в первую очередь. Я удивляюсь... Правда заключается в жёсткости слов и в силе кулака, а чем жестче слова и костлявей кулак, тем правдивей сказанное в лицо.

«Шестёрки» под окном нет. Значит, не сомневаюсь, будет жить... Вадик... Такие живучие!

Я закуриваю сигарету из пачки, забытой Ленкой.

Откуда у меня взялось столько силы для удара? Это от злости. Нет злости, нет поставленного удара. Иногда я плохо о себе думаю.

Другие женщины

Больше всего я боюсь – и это не выдумка, – что мне придётся каяться, а людям, которые заметят во мне что-то неладное, осуждать, ибо они, как зрители, могут видеть больше, как не скрывайся и не прячься. А делать именно так приходится, да. И это сводит с ума. Особенно та мысль, что зрителем может стать жена. Но, как не удивительно, наблюдателем оказываюсь я. Осознание этого факта наступает не сразу, постепенно. И трудно передать, до какой степени ноет то ли душа, или её остатки, одним словом, признаюсь, как человек спрашивающий, я не всегда получаю ответы. А значит – гори всё синим пламенем, говорю я себе каждый раз, потому что страсть, как и любовь, осознаю, в период весеннего обострения изгоняет разум. Не до конца, конечно. Что-то остаётся, чтобы как-то балансировать на канате над пропастью, и вот так идёшь прямо, осторожно ступая, вниз не смотришь. Может быть, потому, изо дня в день, в таком напряжённом состоянии человек в силах сделать с самим собой то, что иначе невозможно. То есть происходят чудеса: вместо того, чтобы свалиться вниз, ты продолжаешь двигаться вперёд. При этом человеческая воля просто выкидывается невидимой, мистической силой – и препятствовать ей напрасно, как молнии во время грозы. И зачем, вообще? Ведь ты идёшь, а не летишь вниз.

Мысли – ох уж эти мысли-образы! Возникающая дилемма между двумя женщинами, когда невозможно определиться, загоняет в тупик, однако.

Я выглядываю в окно: снег идёт всю ночь и утро. В обед кто-то слепил снежную бабу. Она становится достопримечательностью двора, детвора водит хороводы вокруг неё, а вечером идёт дождь. Настоящий ливень! Вокруг снежной бабы образовывается огромная лужа – не подойти. Но она стоит, не растаяла, стоит совсем одинокая, омытая слезами, и никого вокруг. Для неё, я думаю, наступает тот самый критический момент, за которым последует, разумеется, настоящий «конец света». Она может исчезнуть – видимо, и у человека свой «конец света» наступает в то или иное время, а не у всех в один миг, как заставляют верить. И когда я её вижу, остановившись покурить в подъезде дома, возвращаясь из магазина с вином и конфетами обратно к Еве, мне кажется, что она продолжает бороться с водной стихией, являясь сама частью этой самой стихии (человек тоже часто борется с самим собой и себе подобными), – и она напоминает мне о жене, Ирине. Я выпускаю сигаретный дым вверх огромным кольцом, вдыхаю полной грудью свежего воздуха – выдыхаю, как бы сожалея участи снежной бабы. Если дождь продлится до следующего утра, а это вполне возможно, она не сможет выстоять, растает вся – погибнет, без всякого на то сомнения, как любой человек, оставшийся один на один со своей бедой. Сожалея, я улавливаю в воздухе странный запах. Кажется, пахнет порохом. Его сгоревшими остатками. Странно, но я принимаю её – моему обонянию знакомо это вещество, которое, сгорая, обязательно оставляет след. Так и есть, я, кажется, не ошибаюсь. И утром, покинув Еву, я уже не вижу снежной бабы, она растаяла, превратившись в талую воду, а запах пороха во влажном воздухе усиливается – по правде говоря, я не в полной мере верю своему нюху, ссылаясь на хронический насморк. Так ли всё на самом деле? Скорей всего этот запах ассоциируется у меня с вечерней встречей, после работы, с женой. Вот в чём дело, оказывается. Так оно и есть, без сомнений. И когда я прихожу с работы, специально задержавшись на три лишних часа, Ирина меня не замечает, она спит. Не замечаю её и я. Кажется, обходится.

Открываю глаза. Утренний рассвет. Суббота. Супружеское ложе. Меня не прогоняют и в этот раз. Я поворачиваюсь к жене. Ирина не спит, смотрит на меня. Как долго она это делает? Гипнотизирует? Или что-то другое в этом взгляде – просто ненавидит?

– Мне кажется, что во всём виновата я, – говорит она, избирая странную тактику ведения разговора, – виновата в том, что старею. И становлюсь тебе не нужной, Игорь. Как поломанная вещь. Правда, я пока работаю: стираю бельё, готовлю обеды и ужины, мою полы, глажу тебе

рубашки. Этакая универсальная машина-автомат. И я удивляюсь, что мне удаётся оставаться женщиной, на которую, в отличие от тебя, заглядывают молодые мужчины.

Я, конечно, ждал этих слов, или подобных этим, я, можно сказать, привык к ним.

И я молчу, не объясняю, почему меня не было дома несколько дней, а телефон сотовый выключен. Ирина, предполагаю, прекрасно понимает, что это означает, потому что ложь не может спасти ни меня, ни её. Она продолжает говорить, я слушаю – так надо для неё самой, чтобы выговориться, облегчить таким образом душу. Да, я отмалчиваюсь, глядя на эту женщину, которая почти двадцать лет терпит меня, ухаживает за мной, при этом не оставляет попыток цепляться за остатки былой красоты. В свои сорок лет (мы с ней ровесники, если не считать разницы в полгода, что я старше) она, надо сказать честно, пытается выглядеть «хорошо». Очевидно, мне-то известно, что для этого она прилагает большие усилия: косметические салоны, маски, кремы... Она даже год назад сделала пластическую операцию: врачи подтянули ей кожу лица... Мысли иногда, конечно, бывают чрезвычайно ничтожны, но, буду откровенным, у женщин в этом возрасте происходит некое «осознание каждой части тела». И, если говорить об Ирине, она всерьёз считает, что сможет остановить процесс старения. Тем самым сумеет снова привлечь меня к себе, а может, рассчитывает и на большее...

По её мнению, если судить, я убегаю от неё. Это не так. Я ухаживаю на время, да. Но не убегаю совсем.

Пока она говорит, я пытаюсь сравнить Иру с Евой. Ничего не выходит. И дело не в том, что у них существует огромная разница в возрасте – пятнадцать лет. Это два разных типа женщин и по внешности, и по характеру. Если жена, к примеру, может терпеть, то Ева капризна. Но не в этом, наверное, дело. Между Евой и мной находится некая пелена, которая искажает пространство, а вместе с ним искажается действительность – кто-то из нас носит розовые очки, а если быть более точным, мы поочередно цепляем их себе на нос. А между Ирой и мной такой пелены не существует, она является частью меня самого, а самому себе, по крайней мере, лгать не станешь – скорей промолчишь. А раз так – она тоже, в этом не может быть сомнений, способна изменить.

– Ты разлюбил меня, Игорь, – продолжает Ирина.

– Я привык, – говорю, но она как будто не хочет слышать.

– У тебя есть любовница. Не отрицай. И что она может тебе дать? Скажи?

– Успокойся, – говорю я, пытаюсь прекратить этот разговор. – Тебе не идёт такой тон.

– Нет, ты скажи, Игорь. Честно скажи!

Я молчу, глядя в потолок.

– Что тебе от меня нужно, тогда скажи?

На этот вопрос я не могу точно ответить. И говорю первое, что приходит на ум.

– Я знаю, Ира, кто ты, но не знаю, кто она, та самая, о которой ты говоришь. Ты у меня одна, поверь, остальные подделки.

Очень мало людей умеет разговаривать между собой, даже в семье. Ещё меньше тех, подчёркиваю, кто умеет понимать. Полагаю, я и Ирина понимаем друг друга так, как никто другой, ибо умеем подбирать слова.

И вот жена позволяет мне себя обнять и поцеловать. В это мгновение я вижу другую женщину. Она становится моложе лет на пять, и я чувствую некий восторг, в уме всё мелькает, как вихрь, а сердце вылетает из груди, словно первый раз: страсть возникает из пустоты, ниоткуда, как будто не было тех двух ночей с Евой.

Я собираю вещи, чтобы уйти с работы. Ева звонит на сотовый телефон. Мы с ней разговариваем о всяких мелочах. Сотрудники думают, наверное, что я держу разговор с женой – пусть так думают. Излишняя откровенность позволяет, видимо, им делать такие выводы: всякого влечёт чужая страсть.

Итак, стало быть, уточню здесь, Ева знает об Ирине. И знает, что у меня есть сын, который учится в другом городе. Она видит, что сын для меня многое означает, здесь не возникают споры, но не понимает, почему я возвращаюсь к жене. В свою очередь я догадываюсь о тех чувствах Евы, которые определяют её поведение и отношение ко мне: занимаясь со мной любовью, она избавляется от забот о хлебе насущном, намазанном шоколадным маслом. Она не находится у меня на содержании. Но я даю ей денег столько, сколько она просит, хотя предполагаю, рассуждая из своего болота, что спрашивать денег – гадкая история, если чувствуешь, что их не совсем заслужил. Правда, я могу позволить себе такую «роскошь».

Именно – «роскошь»! Это слово меня забавляет. Я часто прокручиваю его на языке. Однажды в порыве страсти сказал Еве: «Ты моя роскошь!», хотя в голове крутились слова «моя дорогая». И то, и другое слово означают одно для меня – трату денег. Не ошибусь, право, то же самое означают эти слова и для неё. Но в обратном смысле.

Если более конкретно и точно говорить о Еве, то можно применять такие слова, как, например, «мне кажется, что её профессиональные достижения связаны благодаря моему появлению в её жизни» (совсем недавно на работе шеф повысил её в должности до заместителя главного бухгалтера). Или: «мне кажется, её новая любовь настоящая, в ней нет равнодушия». Либо: «мне кажется, её радости имеют прямое отношение к тем переменам, что происходят в моей и её жизни».

Мне кажется – и я понимаю почему.

Но мне не кажется, а именно так всё и есть, что происходят трансформации – как не называй это – жизненных сложившихся устоев в моей семье, а вместе с ними, однозначно, изменяется и сама Ирина.

И вот, когда я уйду с работы, договорившись с Евой встретиться сегодня вечером, но вначале я должен попасть домой, мне становится ясно, что я страшный эгоист, потому что моя страсть к Еве точно также распространяется и на жену. В этом я убеждаюсь, когда захожу на порог своей квартиры, – я почти не узнаю Ирину!

– Не понимаю, ты снова сделала пластическую операцию? – спрашиваю я её. – Это невозможно, когда успела?

– Нет, и не думала, Игорь. Я тебе нравлюсь? – Ирина подходит к большому зеркалу в прихожей, скидывает халат себе под ноги, остаётся обнажённой, и приподнимает груди руками. – Стали меньше отвисать. Что скажешь?

Я прикасаюсь к жене, одной рукой к плечу, другой провожу по низу живота. Лёгкая дрожь проходит по её телу. Я не знаю, чем возможно такое объяснить, но тело Ирины приобретает некую былую свежесть, – передо мной другая женщина!

Зная, что последует за всем этим, я прикидываю, чтобы сказать Еве после, которая ждёт меня у себя дома, надеясь на дорогой подарок, который ей пообещал.

Испытывая чувство вины, как перед Евой, так и перед женой, я, под предлогом купить сигарет, покидаю квартиру, еду к Еве.

В ювелирном салоне покупаю золотой браслет. С этим подарком появляюсь у Евы – она изменяется тоже! Это становится заметно, не в лучшую сторону, да так, что я отступаю на шаг, когда она целует меня.

Я примеряю Еве браслет и вижу, что подарок ей не нравится, что ли. У девушки портится настроение, словно погода в летнюю пору: набежавшие чёрные тучи сейчас извергнут на мою голову град, догадываюсь. И я интересуюсь, в чём дело? Но она не отвечает. Я предполагаю, всё дело в моей непунктуальности. Пытаюсь разобраться – она не делится со мной ни одним словом, предпочитает молчать. И от этого, как мне кажется, становится невзрачной, серой, а на лбу и вокруг век, я вижу, угадываются глубокие морщинки, которых ранее не замечал.

– Я тебе не нравлюсь, – вдруг говорит она. – Что-то не так, я вижу. – Ева снимает браслет, кидает его на пол. – Ну, ударь меня за это, докажи, что ты хам! Сделай, что я тебя прошу.

Начинается истерика и слёзы – не переношу. Одеваюсь и ухожу.

В скором времени складывается впечатление, что Ева избегает меня. На телефонные звонки не отвечает. Всё чаще и чаще я возвращаюсь домой вовремя. И с каждым днём понимаю, что Ирина перевоплощается в молодую женщину – я вижу в ней тот самый сексуальный огонь, который горел в ней лет десять назад. Это чудо для меня. А для Ирины – вдвойне. У неё рождаются какие-то детские планы, она полна радости и восторга. Однако всё это не передаётся мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.